

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929-1933 гг. И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В 30-х гг.

Сегодня мы начинаем новый цикл лекций, посвященный характеристике очередного, третьего этапа в межвоенной истории стран Европы и Америки. Этот третий этап, следующий за капиталистической стабилизацией 20-х гг., начался вместе с вступлением капиталистического мира в 1929 г. в полосу глубочайшего во всей истории капитализма экономического кризиса и продолжался в течение всего периода 30-х гг., вплоть до начала в 1939 г. второй мировой войны.

Период 1929-1939 гг. стал чрезвычайно важным, переходным этапом в развитии капитализма. Именно в этот период были сделаны решительные шаги на пути приспособления капитализма к потребностям общественного развития, изменения всей традиционной структуры классического капитализма, внедрения в нее с помощью государства ряда новых принципов, существенно изменивших характер современного общества. Именно в 30-е годы были сделаны первые необратимые шаги на пути превращения капитализма основных стран Европы и Америки в государственно-регулируемое и социально ориентированное общество, каким оно стало в течение послевоенного периода.

Встает вопрос: в чем причина этого? Почему именно в 30-е гг. XX в. с такой силой развернулся этот процесс? Ведь государственное регулирование к этому времени не было новым явлением. Его первые попытки, как мы уже говорили, относятся еще к началу XX в. Новый импульс оно получило в годы первой мировой войны и сразу после ее окончания. Однако вплоть до 30-х гг. эти первые попытки государственного регулирования были лишь его преддсторией, оно не стало тогда еще необратимым, и только с 30-х гг. оно вступило на этот путь, в основном завершившийся примерно в 50-60-е гг. XX в. Почему?

Для ответа на этот вопрос мы и попытаемся сегодня проанализировать основные черты экономического и социально-политического развития основных стран капитализма в 1929-1939 гг.

* * *

В ходе лекционного курса мы уже неоднократно говорили о том, что еще в последние десятилетия XIX в., в период перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому, корпоративному капитализму обнаружались первые проявления кризиса всей структуры традиционного капитализма XIX в. Господство крупных корпораций в экономике

существенно изменило характер функционирования капиталистического воспроизводства и привело к углублению и затягиванию экономических кризисов.

Ухудшение положения социальных низов общества, снижение социального статуса средних слоев и даже немонополистических групп буржуазии - все это неизбежно вело к обострению классовой борьбы, к росту рабочего движения, к усилению массовых демократических движений за ограничение корпоративного произвола, за проведение социальных реформ, за создание государственной системы социальной защиты.

В еще большей степени кризис традиционного капитализма проявился в первые послевоенные годы. Как мы уже отмечали в лекциях, в эти годы со всей силой проявилось стремление к кардинальному реформированию капитализма, к его приспособлению к потребностям общественного развития или даже к социалистической трансформации капитализма. Но все же, как ни глубоки были проявления кризисных тенденций в развитии капитализма в последние десятилетия XIX в. и в течение первых трех десятилетий XX в., они были только начальной стадией глубокого кризиса традиционной структуры капитализма. Почему?

Невиданная ранее разрушительная сила и затяжной характер экономических кризисов перепроизводства, обрушившихся в 70-х, а затем в 90-х гг. XIX в. на страны капитализма, впервые отразили меняющуюся тогда структуру капиталистического общества - возникновение первых мощных корпоративных объединений. Во многом эти новые черты экономических кризисов 70-90-х гг. XIX в. объяснялись также и тем, что они пришлись на период понижательной фазы очередного, второго большого цикла экономической конъюнктуры ("длинных волн Кондратьева"), которая, как мы уже говорили, охватывала период 1873-1896 гг. Но все же в тот период процесс перерастания капитализма свободной конкуренции в корпоративный капитализм был далек от завершения и противоречия новой фазы в развитии капиталистического общества еще не приобрели такой силы, как это случилось в последующем.

В первые три десятилетия XX в. корпоративная структура капитализма, как мы уже говорили в лекции о капиталистической стабилизации 20-х гг., полностью сложилась. Но все эти годы пришлись на время повышательной фазы очередного, третьего большого цикла экономической конъюнктуры, охватывавшего 1897-1929 гг., когда на основе нового этапа технологической революции, нового скачкообразного повышения технического уровня капиталистического производства относительно высокие темпы экономического роста преобладали над низкими. Это, естественно, смягчало силу и глубину циклических кризисов перепроизводства и открывало простор для развития производительных сил капитализма, ослабляя остроту социально-классовых противоречий, как это и случилось в период капиталистической стабилизации 1924-1929 гг.

Экономический кризис 1929-1933 гг. происходил уже в совсем другой обстановке. Резкий рост концентрации и централизации производства и капитала, особенно характерный как раз для периода стабилизации 20-х гг., способствовал громадному усилению мощи корпоративного бизнеса. К уже имевшимся к тому времени гигантским корпоративным объединениям типа американских "U.S. Steel Corporation" и "Standard Oil Company" прибавились такие колоссы корпоративного капитала, как германский концерн "I. G. Farbenindustrie", английский Имперский химический трест и др.

В то же время в 20-х гг. значительно ослабло государственное регулирование. Это вновь резко усилило произвол крупных корпораций, их бесконтрольные действия в сфере экономики. В обстановке нерегулируемого капитализма функционирование корпоративного капитала имело особенно неблагоприятные последствия.

Как мы уже говорили, в 20-е гг. отчетливо проявились не только сильные, но и слабые стороны капиталистической стабилизации: низкие темпы развития традиционных отраслей экономики, недогрузка производственного аппарата, относительно высокий уровень безработицы. Все это вело к накоплению условий перепроизводства в отраслях тесно связанных с потреблением. Сравнительно низкий уровень покупательной способности широких масс населения, явно не соответствовавший возросшим производственным возможностям капиталистической экономики, слабая социальная защищенность основных групп общества существенно ограничивали возможности производственных инвестиций, тормозили процесс технологического переоборудования производства и вели к тому, что все большая часть капиталовложений направлялась не в производство, а в спекулятивные каналы, в игру на бирже, что еще больше усиливало непрочность экономической конъюнктуры к концу 20-х гг.

Очень неблагоприятно сказывалось и расстройство международной финансовой системы в итоге тех крупных изменений, которые произошли в годы первой мировой войны. Соединенные Штаты Америки, превратившиеся тогда в одного из основных международных кредиторов, поставили в финансовую зависимость основные страны Западной Европы. Недостаточность финансовых ресурсов в большинстве этих стран в первые послевоенные годы настоятельно требовала нормализации международной торговли, свободного доступа европейских товаров на американский рынок. Однако обострение империалистической конкуренции после первой мировой войны привело к усилению протекционизма, введению высоких таможенных пошлин и в США, и в Западной Европе, что сделало невозможным уплату долгов Соединенным Штатам.

Англо-французский блок в 20-е гг. пытался решить эту проблему за счет репарационных платежей Германии. За счет получения репараций страны Европы намеревались оплачивать свои долги Соединенным Штатам. В какой-то мере Америка поддерживала эти планы, хотя официально

все время отрицала связь между репарациями и военными долгами. Однако и этот путь к нормализации международной финансовой системы оказался несостоятельным, ибо финансовые возможности Германии были явно недостаточными, а предоставление ей свободы в международной торговле противоречило интересам ее конкурентов. К тому же политическое руководство Германии систематически саботировало уплату репараций. Поэтому крупнейшие страны Запада ради обеспечения уплаты репараций вынуждены были время от времени предоставлять Германии новые крупные кредиты по планам Дауэса, Юнга, что в конечном счете еще более усиливало расстройство международной финансовой системы и непрочность капиталистической стабилизации 20-х гг. Наконец, наступление в 1929 г. экономического кризиса совпало по времени с переходом от повышательной к понижательной фазе третьего большого цикла экономической конъюнктуры. Это не могло не сказаться на ходе и характере этого очередного циклического кризиса производства.

Все это и обусловило необычайную глубину, разрушительную силу и затяжной характер экономического кризиса, охватившего на рубеже 20-х и 30-х гг. все страны капитализма.

Безраздельное господство крупных корпораций в экономике давало им возможность оказывать весьма эффективное воздействие на экономический цикл. Стремясь сохранить прежний уровень прибыльности производства, корпорации искусственно поддерживали высокий, монопольный уровень цен на выпускаемую продукцию путем резкого сокращения промышленного производства. Сокращение предложения промышленных товаров при сохранении высоких цен на них давало корпорациям возможность смягчать последствия кризиса. Но это в то же время вело к необычайной глубине экономического кризиса, к катастрофическому сокращению промышленного производства.

Наибольшим это сокращение оказалось в Соединенных Штатах, главной стране капиталистического мира, стране с наибольшим развитием корпоративного капитала. В 1932 г., в период наибольшего углубления кризиса, индекс общего объема промышленного производства США составил всего 54% докризисного уровня 1929 г. Следовательно, даже по этим средним данным, производство промышленной продукции в Соединенных Штатах упало за три года кризиса почти вдвое. Но в наиболее монополизированных отраслях американской промышленности падение производства было несравненно большим. Так, летом 1932 г. ежемесячный объем выплавки чугуна и стали, а также выпуска автомобилей в США составил всего лишь 14-15 % докризисного уровня 1929 г. Производство в основных отраслях американской тяжелой промышленности было отброшено по крайней мере на 30 лет, к уровню рубежа XIX и XX вв.

Очень сильно сократилось промышленное производство и в Германии. Индекс общего объема промышленного производства в этой наиболее

экономически развитой стране Европы составил 59% докризисного уровня 1929 г. Следовательно, промышленное производство Германии за годы кризиса сократилось несколько меньше, чем в США.

Однако если уровень производства в 1932 г., в период наибольшего углубления кризиса, сравнить не с докризисным уровнем 1929 г., а с довоенным уровнем 1913 г., то картина падения промышленного производства в Германии окажется наиболее катастрофической и несравненно более неблагоприятной, чем в Соединенных Штатах. В самом деле, если учесть, что индекс общего объема промышленной продукции в Германии составил в 1929 г. 103% уровня 1913 г., а в США - 172%, то получится, что в острокризисном 1932 г. этот индекс для Германии был равен 61%, а для Соединенных Штатов - 93% довоенного уровня.

Во Франции, где кризис начался позже, чем в других странах, - не в 1929 г., а в конце 1930 г., - падение промышленного производства в годы кризиса было меньше, чем в Германии и США. В 1935 г., когда кризис достиг во Франции наибольшей глубины, индекс общего объема промышленной продукции составил 69% докризисного уровня 1930 г., т. е. производство упало примерно на одну треть. Если же за исходный уровень принять довоенный 1913 г., то общий индекс для 1930 г. был равен 140%, а для 1935 г. - 84%. Следовательно, объем производства во Франции в период наибольшего углубления экономического кризиса снизился по сравнению с довоенным уровнем несколько больше, чем в Соединенных Штатах, но гораздо меньше, чем в Германии.

Наименьшим среди крупнейших стран кризисное падение промышленного производства было в Англии. В период наибольшего углубления кризиса, пришедшегося в Англии на весну 1932 г., индекс общего объема промышленного производства составил 77% докризисного уровня 1929 г. Однако, как мы уже говорили в прошлой лекции, в Англии в 20-е гг. вообще не было сколько-нибудь значительного промышленного подъема и в 1929 г. производство в Англии только-только достигло довоенного уровня. Следовательно, по сравнению с довоенным уровнем промышленное производство в Англии снизилось сильнее, чем в США и Франции, но значительно слабее, чем в Германии.

Экономический кризис 1929-1933 гг. принял крайне затяжной характер. Поддержание монопольно высокого уровня цен мешало рассасыванию товарных запасов, создавало серьезные преграды для обновления основного капитала, необходимого для выхода из кризиса. Поэтому кризис 1929-1933 гг. отличался необычайной продолжительностью данной фазы экономического цикла. В большинстве стран кризис затянулся до 1933 г., а в некоторых - даже до 1935 г. Более того, наступившая после выхода из кризиса фаза депрессии также оказалась очень продолжительной, затянувшись в большинстве стран до 1935 г. В результате этого экономический подъем, в фазу которого большинство стран вступило в 1936 г., оказался весьма непродолжительным, так как уже во второй

половине 1937 г. основные страны капитализма вступили в полосу нового экономического кризиса, от последствий которого им не удалось оправиться вплоть до начала второй мировой войны. Следовательно, в течение всего периода 30-х гг. основные страны капитализма почти все время находились либо в кризисной, либо в депрессивной фазе экономического цикла.

Наконец, для экономического кризиса 1929-1933 гг. одной из важных отличительных черт был всеобщий характер кризиса. Он охватил не только высокомонополизированные отрасли тяжелой промышленности, энергетики и транспорта, но и все остальные отрасли экономики. Правда, важнейшим показателем кризиса в отраслях легкой промышленности было не падение производства, как в монополизированных отраслях тяжелой промышленности, а резкое падение уровня цен, ибо разрозненные мелкие и средние предприниматели традиционных отраслей экономики не обладали возможностями оказывать воздействие на ход экономического цикла, что было по силам крупным корпорациям. Глубочайший кризис и катастрофическое падение цен на изделия легкой промышленности при сохранении высокого уровня цен на продукцию монополизированных отраслей вело к росту "ножниц цен", резкому падению доходности хозяйства и разорению миллионов мелких предпринимателей.

В еще большей степени это было характерно для сельского хозяйства, где кризис перепроизводства, начавшийся еще в 1920 г., так и не был преодолен на протяжении всего периода 20-х гг. Промышленный кризис начала 30-х гг. привел к новому громадному углублению аграрного кризиса и к невиданным масштабам разорения мелких сельскохозяйственных производителей.

Кризис 1929-1933 гг. охватил торговлю и финансовую систему всех стран капитализма. Рушились сотни и тысячи банков, терпели крах даже сильные акционерные компании, а это влекло за собой разорение миллионов мелких вкладчиков. Были обесценены валюты самых крупных стран мира, включая Германию, Англию и даже Соединенные Штаты. Почти все страны мира были вынуждены отказаться от золотого стандарта.

Всеобщий характер экономического кризиса начала 30-х гг. проявился и в том, что он захватил все капиталистические страны - большие и малые, индустриально развитые и отсталые, метрополии и колонии. Это до предела сократило возможности маневрирования одних стран за счет других. Поэтому характерной чертой политики буржуазных правительств во всех без исключения странах в первые же годы экономического кризиса было стремление переложить основную тяжесть кризиса на широкие трудящиеся массы, на основные слои населения каждой из этих стран.

Это до предела утяжелило социальные последствия кризиса для широких масс населения. В громадной степени ухудшилось положение рабочего класса. До невиданных размеров выросла безработица. Так, в США в 1932 г. было не менее 13 млн полностью безработных, т. е. каждый третий

рабочий был полностью лишен работы. Широчайшее распространение приобрела частичная безработица. В 1932 г. полностью занятым на производстве остался только один из каждых десяти американских рабочих. Резко увеличились масштабы безработицы и в других странах. В 1932 г. армия полностью безработных во всех странах капитализма достигла 30 млн человек. Безработица носила очень длительный характер, она продолжалась не недели и даже не месяцы, а годы.

Рост безработицы и сильное сокращение заработной платы в период экономического кризиса 1929-1933 гг. привели к абсолютному обнищанию рабочего класса. Чрезвычайно ухудшилось положение крестьянства и широких слоев городского населения и принял массовые размеры процесс их разорения.

На этой основе в условиях кризиса и после преодоления его наиболее глубокой фазы резко обострились социальные противоречия, вновь усилилась классовая борьба в обществе. Широким потоком во всех странах развернулось рабочее движение, обнаружился новый подъем массовых демократических движений. И это не было случайностью: сама жизнь толкала широкие массы народа на борьбу, на отчаянное сопротивление невыносимым условиям жизни.

И даже люди, далекие от политики и от политических партий, наблюдая за парадоксами нищеты среди изобилия, за тем, как люди умирают с голоду, а сельскохозяйственные продукты, не находящие сбыта, ибо миллионы людей лишены работы, безжалостно уничтожаются, вынуждены были сражаться за себя и за свою семью, так как единственной альтернативой этому были безысходная нищета, голод и смерть.

Наиболее убедительно об этом было сказано не в экономических справочниках и не в социологических исследованиях, а в художественной литературе. В знаменитой книге Джона Стейнбека "Гроздь гнева", опубликованной в 1939 г., так описывался этот процесс пробуждения воли масс к борьбе:

"Апельсины целыми вагонами ссыпают на землю. Люди едут за несколько миль, чтобы подобрать выброшенные фрукты, но это совершенно недопустимо... И апельсиновые горы заливают керосином из шланга... Миллионы голодных нуждаются в фруктах, а золотистые горы поливают керосином. И над страной встает запах гниения.

Жгите кофе в паровозных топках. Жгите кукурузу вместо дров - она горит жарко. Сбрасывайте картофель в реки и ставьте охрану вдоль берега, не то голодные все выловят. Режьте свиней и зарывайте туши в землю, и пусть земля пропитается гнилью.

Это преступление, которому нет имени. Это горе, которого не измерить никакими слезами.

Люди приходят с сетями вылавливать картофель из реки, но охрана гонит их прочь; они приезжают... за выброшенными апельсинами, но керосин уже сделал свое дело. И они стоят в оцепенении и смотрят на

проплывающий мимо картофель, слышат визг свиней, которых режут и засыпают известью в канавах, смотрят на апельсиновые горы, по которым съезжают вниз оползни зловонной жижи; и в глазах людей поражение; в глазах голодных зреет гнев. В душах людей наливаются и зреют гроздь гнева - тяжелые гроздь, и вызреть им теперь уже недолго”.

Эти выводы были тем более основательными, что к началу 30-х годов значительно продвинулся вперед процесс политического просвещения народных масс, активизировалось их участие в политической жизни, усилилась их требовательность. Всему этому немало способствовали политические битвы первых послевоенных лет.

Вот почему процесс резкого усиления классово-борьбы, характерный для 30-х годов, проявился не только в росте стачечной борьбы рабочих, не только в массовых демонстрациях и походах безработных, не только в выступлениях крестьян и мелких собственников города, но и в том, что вновь, как и в первые послевоенные годы, в массовом сознании стала распространяться мысль о несправедливости существующего порядка вещей, об антинародной сущности капиталистического строя и о необходимости борьбы за новый общественный порядок, в основе которого будет не погоня за прибылью, не принцип “каждый сам за себя, и к черту неудачника”, а принцип социальной справедливости. Поэтому наиболее характерным феноменом для 30-х годов стал быстрый рост радикальных настроений в массах.

Правда, как мы увидим, это далеко не всегда направлялось в разумное, рациональное русло. Очень часто эти радикальные идеи и движения направлялись в русло экстремизма - левого или правого. Тем не менее рост радикальных антикапиталистических настроений в массах ставил перед правящими кругами каждой из стран капитализма чрезвычайно сложные и взрывоопасные проблемы.

Радикальные сдвиги в массовом сознании в 30-е годы нередко трактовались в коммунистическом движении и в марксистской литературе тех лет как приближение всеобщего краха капитализма, как реакция масс на неотвратимый упадок капитализма, как последние конвульсии гибнущего строя. Вот как, например, оценивалась ситуация в капиталистическом мире в 30-е годы в книге “Послевоенная Америка”, опубликованной в 1937 г. советским экономистом Эсфирью Исаевной Гурвич (в 20-е годы она была женой Н.И.Бухарина):

“Черные сумерки прочно окутали буржуазный мир... Потрясенный до основ общим кризисом и пятилетним мировым экономическим кризисом, отживший строй неуклонно идет к роковой развязке. И в растущем гуле возмущения масс буржуазия безошибочно угадывает зловещее *temento mori*.

И Соединенные Штаты, эта признанная крепость старого мира, глубоко поражена кризисом капитализма. Даже в этой богатейшей стране капитализм обречен: он уже не может обеспечить массам хотя бы сносное

существование. Потрясающая нищета среди чудовищного избытка душит страну доллара... Буржуазный режим в тупике катастроф”.

Конечно, эта апокалипсическая картина была далека от реальности. Последующий опыт развития человеческого общества показал, что капитализм далеко не потерял способность к саморазвитию, что в середине XX в. начался новый крупный технологический скачок, который открыл новый тур прогрессивного развития производительных сил, в результате чего капитализм претерпел решительные изменения, в его структуру вошли новые качества и принципы, выводящие его далеко за рамки традиционного капитализма.

Однако, в 30-е гг., в чрезвычайных условиях глубочайшего экономического и социально-политического кризиса, полной уверенности в том, что капитализм способен продолжать нормально функционировать и дальше, у идеологов и политиков капиталистических стран не было и не могло быть. И уж, конечно, представляя дальнейший путь развития, многие из них приходили к выводу, что обеспечение нормального функционирования экономики и поддержание социальной стабильности общества возможно только на путях более или менее кардинального переустройства капитализма.

Эти попытки реформирования капитализма или даже его кардинального переустройства и начали осуществляться в 30-х гг. в основных странах капиталистического мира. Общей характерной чертой этого процесса независимо от его конкретных форм в различных странах было резкое усиление роли государства в экономике и социальных отношениях.

Идеологи и политики буржуазных стран осознали, что в силу изменившегося характера структуры капитализма самодействующий ход экономического цикла становится затрудненным, сталкивается с серьезными противодействующими факторами и ведет к опасным социальным последствиям. Поэтому они приходили к выводу, что для обеспечения нормального хода капиталистического воспроизводства необходимо активное государственное регулирование экономики. В 30-е гг. была заложена и теоретическая база нового этапа регулирования экономики государством. Она была создана в первую очередь трудами крупнейшего английского ученого-экономиста Джона Мейнарда Кейнса, концепция которого в наиболее полной форме была изложена им в книге “Общая теория занятости, процента и денег”, опубликованной в 1936 г.

Главный вывод теоретических построений Кейнса и его последователей - кейнсианцев заключался в том, что для обеспечения нормального хода капиталистического производства и достижения социальной стабильности в обществе государство должно навсегда отказаться от роли нейтрального наблюдателя, “ночного сторожа”. Напротив, оно должно оказывать постоянное целенаправленное воздействие на экономику. Главным направлением такого воздействия кейнсианская теория считала обеспечение “эффективного спроса”. Средствами государственного регу-

лирования предполагалось обеспечить эффективный производственный спрос, т. е. необходимый уровень инвестиций капиталистов, и эффективный потребительский спрос, т. е. достаточный уровень покупательной способности населения. Это неизбежно должно было повлечь за собой увеличение государственных расходов и даже практику так называемого "дефицитного финансирования", однако, по мнению Кейнса и его последователей, возврат хозяйства страны в нормальное состояние позволит быстро устранить дефицит государственного бюджета.

Идеологи и политики стран капитализма считали необходимым и активное вмешательство государства в социальные отношения с целью создания разветвленной системы государственной социальной защиты населения, внедрения элементарных норм трудового законодательства и социального обеспечения.

Однако при общности основных принципов государственного регулирования экономики и социальных отношений конкретные его формы, конкретные модели государственного регулирования, созданные в 30-х гг. в различных странах капитализма, были весьма различными, а в ряде случаев даже противоположными.

В конкретной ситуации 30-х гг. сложились две основные модели государственного регулирования. Одна из них, характерной чертой которой стало применение различных форм либерально-буржуазного или социал-демократического реформизма, сложилась в таких странах, как США, Англия, Франция, Скандинавские страны. Все они были наиболее развитыми, наиболее богатыми странами капиталистического мира. Поэтому буржуазия этих стран имела достаточно средств и резервов, чтобы даже в условиях глубочайшего экономического кризиса сохранить возможность выдвижения реформистской альтернативы консервативному курсу жесткого наступления на жизненный уровень трудящихся. В самом деле, Соединенные Штаты были наиболее мощной страной капиталистического мира, и американская буржуазия имела несравненно большие, нежели буржуазия других стран, ресурсы. Англия и Франция обладали громадными колониальными владениями, что, несомненно, увеличивало их финансовые ресурсы. К тому же Англия в начале 30-х гг. впервые с середины XIX в. отказалась от политики свободной торговли и перешла к протекционизму, введя таможенное обложение импорта и систему "имперских преференций", т. е. систему предпочтительных, несколько меньших пошлин в торговле с доминионами. Это несколько улучшило платежный баланс Англии. Франция могла еще использовать крупные суммы репарационных платежей, которые она получала вплоть до начала 30-х гг. Что же касается Скандинавских стран, то, оставаясь вне основных конфликтов крупнейших европейских держав, они находились в более благоприятном положении.

Важной чертой политического строя всех этих стран было давнее установление строя парламентской демократии. Уже в предшествующие

десятилетия во всех европейских странах развитой парламентской демократии были проведены более или менее решительные социальные реформы, созданы основы либерального трудового законодательства и появились начатки системы социального страхования. Соединенные Штаты к началу 30-х годов существенно отставали в этом отношении от демократических стран Западной Европы, но все же и там либерально-реформистский путь не был новостью. Достаточно вспомнить реформы Т. Рузвельта и В. Вильсона в начале XX в.

Наконец, для всех этих стран были характерны достаточно высокий культурный уровень населения, активное участие значительных слоев населения в политической жизни и в избирательных кампаниях, наличие сильных профсоюзов и рабочих партий, что обеспечивало возможность для давления на буржуазные правительства, а в ряде европейских стран и участие социал-демократических партий в управлении страной.

Классическая модель либерально-буржуазного реформизма была создана в 30-е гг. в Соединенных Штатах. Она нашла выражение в политике Нового курса Ф. Рузвельта. Мощь финансового капитала США, особая прочность частнособственнических отношений, устойчивость буржуазно-парламентских учреждений и буржуазной двухпартийной системы при относительной слабости социалистического движения - все это позволило либеральным кругам демократической партии во главе с Ф. Рузвельтом ограничиться методами либерально-буржуазного реформизма.

В странах Западной Европы необходимость внедрения более радикальных форм государственного регулирования сказалась острее. При относительно меньшей прочности частнособственнических основ, при наличии сильной социал-демократии государственное регулирование в европейских странах парламентской демократии нередко осуществлялось в 30-х гг. либо созданием коалиции буржуазных и социал-демократических партий, либо даже путем временной передачи социал-демократии функций государственного управления.

Классическая модель социал-демократического варианта государственного регулирования была создана в 30-е гг. в Скандинавских странах. Социал-демократические правительства Швеции, Дании и Норвегии провели в тот период широкий комплекс экономических и социальных реформ, результатом которых было принятие передового трудового законодательства (введение 8-часового рабочего дня и установление двухнедельного оплачиваемого отпуска для многих категорий рабочих), улучшение пенсионного обеспечения престарелых, создание системы государственного страхования по безработице, болезни и инвалидности, а также государственное финансирование жилищного строительства. Но, кроме того, социал-демократический реформизм, в отличие от либерально-буржуазного реформизма, характеризовался выдвижением идеи "социализации" экономики, т. е. выдвижением более или менее широкой программы национализации. В соответствии с этим в Скандинавских

странах уже в 30-е гг. получил значительное развитие государственный сектор в промышленности и на транспорте.

Широкую программу решительных демократических реформ, включавших требование национализации ряда важных отраслей экономики, еще в 20-е годы выдвигала лейбористская партия Англии. Однако осуществление этой программы даже в ограниченных масштабах оказалось невозможным ни в 1924 г., когда было сформировано первое лейбористское правительство, ни в 1929-1931 гг., когда действовало второе лейбористское правительство. С особыми трудностями столкнулось правительство лейбористской партии в начале 30-х гг., когда в условиях глубокого экономического и финансового кризиса буржуазные партии потребовали от лейбористов решительных мер по перекладыванию всей тяжести борьбы с кризисом на плечи трудящихся. Это привело к расколу лейбористской партии, к отстранению лейбористов от государственного руководства и к созданию коалиционного "национального правительства", в состав которого вошли консерваторы, часть либералов и так называемые национал-лейбористы, небольшая группа бывших лейбористских лидеров во главе с Р. Макдональдом, поддержавших консервативный политический курс. "Национальное правительство" Англии проводило в 30-е гг. весьма ограниченную политику буржуазного реформизма, что в какой-то мере объяснялось меньшей глубиной экономического кризиса в Англии, а также тем, что к 30-м гг. здесь уже существовала довольно широкая система трудового и социального законодательства, созданного еще в конце XIX и в первые десятилетия XX в.

Во Франции социалистическая партия вместе с левобуржуазными партиями дважды, в середине 20-х гг. и в начале 30-х гг., участвовала в так называемом "левом блоке", правда, оба раза не входя в состав правительства. В середине 30-х гг. конкретная модель государственного регулирования во Франции приняла особую форму Народного фронта, основой которого стал политический союз трех левых партий - радикалов, социалистов и коммунистов. Период деятельности правительств Народного фронта (1936-1938 гг.) привел к осуществлению ряда важнейших демократических реформ в экономике и социальных отношениях.

Либерально-буржуазная и социал-демократическая модели государственного регулирования, утвердившиеся в 30-е гг. в США, Англии, Франции и Скандинавских странах, стали исходным пунктом формирования современной модели государственного регулирования, которая получила широкое распространение после второй мировой войны.

Но в 30-х гг. в ряде стран была применена другая, принципиально отличная от либерально-реформистского варианта модель регулирования экономики и социальных отношений. Она была характерна для тех западноевропейских стран, которые отличались меньшей зрелостью капиталистического развития и незавершенностью процесса индустриализации либо оказались в силу ряда причин в особо трудных условиях. К числу

этих стран относились Италия и Португалия, а в 30-х гг. Германия и Испания, где возникли различные варианты тоталитарного режима. Это объяснялось особыми условиями, сложившимися в межвоенный период в этой группе стран. Так, в Италии, а тем более в Испании и Португалии буржуазия была слишком слабой, чтобы успешно справиться с чрезвычайными условиями, возникшими после первой мировой войны и тем более в период глубочайшего экономического кризиса, методами парламентской демократии и либерального реформизма. Что же касается Германии, то в обстановке необычайно сильного и глубокого кризиса 30-х гг. ее финансовые ресурсы были несравненно меньше, чем ресурсы, которыми располагали Соединенные Штаты, Англия и Франция. После первой мировой войны у Германии не было колоний, она долгие годы должна была платить репарации. Поэтому у германской буржуазии в начале 30-х гг. было гораздо меньше возможностей для осуществления либерально-реформистской альтернативы консервативному политическому курсу.

С другой стороны, во всех этих странах не было глубоких традиций парламентской демократии. Это было характерно для Италии и в еще большей степени для Испании и Португалии. Да и в Германии период Веймарской буржуазно-демократической республики, установленной в 1919 г., был слишком коротким, чтобы дать широким массам населения достаточно времени для овладения традициями парламентаризма, а ограниченность итогов революции 1918-1919 гг. определила ряд консервативных черт Веймарской республики.

Наконец, относительно низким оставался уровень политической сознательности широких масс населения, особенно мелкой буржуазии города и деревни. Конечно, и в этих странах после первой мировой войны в большей или меньшей степени, но все же возросло участие населения в политической жизни, расширился избирательский корпус. Однако очень часто это означало вторжение в политический процесс малосознательной, стихийной силы, действия которой определялись не разумом, а эмоциями, не здоровой оценкой сложившейся ситуации, а сиюминутными порывами. А это создавало возможность успешного манипулирования массами, направления их стихийных порывов в такое русло, которое было необходимо политическим силам, очень далеким от защиты народных интересов.

Подобный результат становился еще более реальным в условиях послевоенной хозяйственной разрухи или в обстановке глубочайшего экономического кризиса начала 30-х гг., когда массовое разорение средних слоев населения вело к потере ими прежнего социального статуса, к возникновению недовольной люмпенизированной массы, а значит, к созданию благоприятных условий для манипулирования ею, для использования стремления народных масс к социальной справедливости в целях, весьма далеких от этих благородных устремлений, и в конечном счете для установления диктаторских форм правления.

Становление тоталитарных или близких к ним диктаторских режимов в ряде европейских стран началось еще в 20-х гг. В 1922 г. была установлена фашистская диктатура в Италии. В том же направлении еще до наступления экономического кризиса 1929-1933 гг. развивался и установившийся в 1926 г. режим военной диктатуры в Португалии. Кризис начала 30-х гг. и его последствия еще более усилили эту обозначившуюся еще в 20-х гг. тенденцию. Главным ее проявлением стало возникновение в 1933 г. тоталитарной национал-социалистской диктатуры в Германии. В 1939 г., после кровопролитной гражданской войны, диктаторский режим был установлен в Испании.

Формирование тоталитарного режима означало кардинальное изменение социально-политического строя тех стран, где он одержал победу. Силы, которые вставали во главе стихийных экстремистских движений, приходя к власти на волне радикальных устремлений масс к переменам, устанавливали режим жестокой террористической диктатуры, ликвидировали парламентский строй и уничтожали какие-либо возможности легальной оппозиции тоталитарной власти.

Во главе государства становился относительно узкий слой партийно-государственной бюрократии, подчиненной верховному вождю, фюреру, дуче, каудильо и в свою очередь подчиняющей себе все общество. Этот узкий слой номенклатуры осуществлял жесткое государственное регулирование экономики, а иногда и прямое управление ею в интересах тех социально-классовых групп, которые были связаны с правящей кликой, возглавляемой верховным правителем. Для обеспечения социальной стабильности общества тоталитарный режим соединял жесточайшее террористическое подавление любого недовольства режимом с проведением ряда мер в социальной сфере, рассчитанных на сохранение и даже расширение массовой базы режима. Хотя в ряде случаев эти меры в социальной области шли в том же направлении, что и меры социальной политики стран парламентской демократии, между этими двумя социально-политическими курсами была принципиальная разница. Если в странах парламентской демократии социальные реформы были мерами либерального реформизма, которые законодательно закрепляли за трудящимися завоеванные ими и их политическими организациями важные социальные права, то в странах с тоталитарным режимом все меры в социальной области были всего лишь мерами государственного патернализма, более или менее существенными подачками массам, которые были лишены собственных политических организаций, не имели никаких возможностей влиять на политику правящей клики и были вынуждены лишь каждый раз верноподданнически благодарить за эти подачки все- сильного "отца нации".

Западные историки, политологи и социологи уже давно указывали на то, что по своему существу и основным признакам к числу стран с тоталитарным режимом относился и Советский Союз. Марксистская литература

категорически отрицала правомерность такого взгляда, утверждая, что в Советском Союзе ликвидирована частная собственность на средства производства, уничтожена буржуазия, а значит, не существует социальной базы для установления тоталитарного режима. Но в последние годы в работах российских историков, политологов и социологов эта традиционная марксистская концепция полностью отброшена. Нередко утверждается, что сразу же после Октябрьской революции, как правило, именуемой "октябрьским большевистским переворотом", в России был установлен антинародный террористический режим, который очень быстро перерос в разновидность тоталитарной диктатуры. Верна ли эта трактовка, получившая широкое распространение в современной научной и особенно публицистической литературе?

Мы уже не раз говорили в этом лекционном курсе, что Октябрьская революция 1917 г. в России была не верхушечным переворотом кучки большевиков, а массовым народным движением за решение назревших проблем российского общества, которые не хотели и не могли решить ни царское правительство, ни созданное после февральской революции Временное правительство. То обстоятельство, что к решению этих проблем приступило Советское правительство, объединило вокруг большевиков широкие массы народов России. И то, что в годы гражданской войны Советская Россия устояла и победила в борьбе с намного превосходящими военными силами внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, объяснялось прежде всего тем, что народные массы защищали свои реальные завоевания: крестьяне отстаивали от посягательств белогвардейских армий полученную в результате Октябрьской революции землю, рабочие сражались за сохранение приобретенных ими важных прав в социальной области, все остальные низы общества защищали то, что принесла им революция - ликвидацию сословных привилегий, широкий доступ к повышению социального статуса, к культуре и образованию.

Однако благородные идеи создания в Советской России общества, основанного на принципах социальной справедливости, оказались на практике лишь декларацией. Попытка создания социалистической альтернативы капитализму, как в первые годы после Октября 1917 г. оценивалось даже многими представителями демократических общественных кругов Запада то, что происходило в России, оказалась неудачной. Так называемый "реальный социализм" в СССР превратился, как мы уже говорили во вводной лекции к курсу, в своеобразный вариант диктаторского режима с доведенным до предела огосударствлением всех сторон жизни общества, с отчуждением непосредственного производителя от собственности на средства производства и от участия в управлении государством, с сосредоточением всей полноты власти в руках узкого слоя партийно-государственной бюрократии во главе с "великим вождем"

Сталиным. Все это уже к концу 20-х гг. завершило процесс превращения Советского Союза в страну с тоталитарным режимом.

Встает вопрос: почему произошло такое превращение? Что это - случайность, "злая воля" тех или иных большевистских деятелей, стеченные неблагоприятных обстоятельств?

Конечно, в какой-то мере перерождение советской власти в СССР было результатом воздействия многих факторов, в том числе и факторов случайного, субъективного характера. Но все же в России существовали во многом те же объективные условия, которые, как и в ряде других стран, определили тенденцию к установлению тоталитарного режима. Прежде всего, Россия начала XX в. была страной с относительно слабым уровнем развития капиталистической экономики. В ней абсолютно отсутствовали какие-либо традиции парламентской демократии, был крайне низок культурный уровень большинства населения, очень слабым было вовлечение населения в политическую жизнь. Уже все это создавало широкие возможности для манипулирования массами, полными надежд на дальнейшее расширение завоеваний, принесенных им революцией. И этими возможностями умело пользовался быстро формирующийся слой партийно-государственных чиновников, представлявших привилегированную касту, сосредоточившую в своих руках все нити управления страной.

Превращению Советского Союза в тоталитарную диктатуру способствовала, как мы уже говорили, и обстановка осажденной крепости, в которой оказалась Советская Россия в годы гражданской войны и после ее окончания, а также необходимость быстрого осуществления индустриализации страны, модернизации ее экономической структуры, без чего было невозможно независимое существование СССР в его противостоянии миру капитализма. Все это опять-таки облегчало новым управителям страны, по-прежнему повторявшим "революционные" лозунги и заверения об "успешном пути к построению социализма", расчищать себе дорогу для установления абсолютной власти, для доведения до предела деспотического господства "великого вождя".

В результате в 30, 40 и начале 50-х гг. в Советском Союзе установилась, пожалуй, наиболее полная форма тоталитарной диктатуры. Она характеризовалась абсолютным всевластием правящей партийно-государственной верхушки во главе со Сталиным, полнейшим ее господством над обществом. При отсутствии частной собственности в Советском Союзе не существовало ни одной социальной группы, которая обладала хотя бы относительной экономической самостоятельностью. Напротив, мощная государственная машина безраздельно доминировала над всеми социальными слоями общества.

С другой стороны, террористические методы господства, жестокое подавление малейшей оппозиции режиму сопровождалось предоставлением массам населения важных социальных прав, широких возможностей для

повышения социального статуса, широкого доступа к сфере образования, науки и культуры, бесплатного медицинского обслуживания. Это создавало прочную социальную базу режима, веру большинства населения в то, что в СССР строится справедливое бесклассовое социалистическое общество, а правящая верхушка умело эксплуатировала эту веру, проповедуя во всех сферах официальной пропаганды благородные идеи интернационализма и социальной справедливости.

В какой-то мере основные черты этого строя сохранялись в Советском Союзе и в последующие десятилетия его существования, но все же с середины 50-х гг. тоталитарный режим в СССР стал постепенно перерастать в его смягченную форму, превращаясь в разновидность авторитарного режима.

Наиболее полной формой тоталитарного режима в странах Запада была национал-социалистская диктатура в Германии. Для нее тоже были характерны полнейшее всевластие нацистской верхушки во главе с фюрером, подчинение общества государству, террористические методы господства и в то же время умелая политика социального патернализма и эффективная идеологическая обработка населения, обеспечившая нацистскому режиму достаточно широкую социальную базу. Однако сохранение капиталистической частной собственности и сильные экономические позиции крупного капитала все же в какой-то мере ограничивали возможности нацистской верхушки, заставляя ее предпочитать в отношениях с корпоративным капиталом не методы прямого командования (хотя в ряде случаев, как мы увидим в дальнейших лекциях, применялись и они), а методы сращивания с ним. О том, как все это проводилось конкретно, мы будем говорить в лекциях о фашистской Германии.

Менее полную форму тоталитарной диктатуры представляла собой фашистская Италия. Возможности абсолютного всевластия фашистской верхушки во главе с дуче существенно ограничивались огромным влиянием католической церкви, Ватикана, а в какой-то мере и наличием монархии. Сильнейшее влияние католицизма в менталитете итальянцев, сохранение в нем монархических идей неизбежно вели к тому, что идеологическое господство фашизма в Италии не достигло такой полноты и абсолюта, как в нацистской Германии.

Еще менее полную разновидность тоталитарного режима представляли режимы, установившиеся в Испании и Португалии. В этих странах по-прежнему сохранилось много черт традиционалистского консервативного режима, строя военно-монархической диктатуры, в результате чего чисто фашистские группы политической элиты делили власть с военными кругами, а влияние фашистской идеологии должно было преодолевать сильнейшие религиозные и монархические черты менталитета основных слоев населения. На этом основании многие ученые считают, что сложившаяся в Португалии и Испании "иберийская форма" диктаторского

режима представляла собой не форму тоталитарной диктатуры, а разновидность авторитарного режима.

* * *

Итак, в 30-е гг. в разных странах сложились различные пути выхода из той чрезвычайной социально-политической обстановки, которая была создана глубочайшим экономическим кризисом 1929-1933 гг. и его последствиями. В дальнейших лекциях мы подробно разберем три различных метода, три различных варианта государственного регулирования, которые возникли в 30-х гг. в крупнейших странах Запада:

- во-первых, тоталитарный вариант, тоталитарная модель государственного регулирования, наиболее полно осуществленная в нацистской Германии;

- во-вторых, либерально-реформистский вариант, либерально-реформистская модель государственного регулирования, с наибольшей полнотой осуществленная в Соединенных Штатах в период Нового курса Ф.Рузвельта;

- наконец, в-третьих, радикально-демократический вариант, радикально-демократическая модель государственного регулирования, опробованная в 30-х гг. во Франции в период Народного фронта.